

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-101-108>



ПОДОЗРЕНИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Семенцов В.А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Семенцов В.А. Подозрение в отечественном уголовном судопроизводстве: история и современность. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(1):101–108. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-101-108>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Семенцов Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: crimpro@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 23.12.2022

Статья принята к печати: 23.01.2023

Дата публикации: 20.03.2023

Аннотация: В статье исследуется в историческом и современном аспектах правовая регламентация институт подозрения в отечественном уголовном судопроизводстве, с изложением авторского подхода к учению о подозрении.

Цель настоящего исследования – осмысление процессуальной формулировки «подозрение», при отсутствии его легального понятия в УПК РФ (в отличие от обвинения). **Задачи** исследования: провести анализ истории становления отечественного учения о подозрении, обобщить предписания действующего уголовно-процессуального закона в части использования термина «подозрение», на основе анализа различных точек зрения определить признаки, характеризующие подозрение, сформулировать авторское понятие процессуального подозрения.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовное преследование, подозрение, предположение, достаточные данные.

SUSPICION OF DOMESTIC CRIMINAL PROCEEDINGS: HISTORY AND MODERNITY

Vladimir A. Sementsov

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Sementsov V.A. Suspicion of domestic criminal proceedings: history and modernity. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(1):101–108. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-101-108>

CONTACT INFORMATION:

Vladimir A. Sementsov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 268-59-64
E-mail: crimpro@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 23.12.2022

The article has been accepted for publication: 23.01.2023

Date of publication: 20.03.2023

Annotation: The article examines in historical and modern aspects the legal regulation of the institution of suspicion in domestic criminal proceedings, outlining the author's approach to the doctrine of suspicion.

The purpose of this study is to comprehend the procedural formulation of "suspicion", in the absence of its legal concept in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (as opposed to the prosecution). Research objectives: to analyze the history of the formation of the national doctrine of suspicion, to summarize the provisions of the current criminal procedure law regarding the use of the term "suspicion", based on the analysis of various points of view to determine the signs characterizing suspicion, to formulate the author's concept of procedural suspicion.

Keywords: criminal proceedings, criminal prosecution, suspicion, assumption, sufficient data.

Введение

В отечественной науке уголовного процесса учению о подозрении не уделяется должного внимания, хотя в литературе под подозрением традиционно понимается «тезис о причастности определенного лица к совершению преступления, подлежащий проверке и доказыванию в ходе предварительного расследования, притом носящий, в отличие от утвердительного тезиса обвинения, предположительный характер и меньшую степень обоснованности» [12, с. 1106].

Подозрение в его процессуальном значении возникает в досудебном производстве, позволяя сделать предположительный вывод о причастности конкретного лица к совершению преступления. Однако легальное понятие подозрения (в отличии от обвинения) в УПК РФ отсутствует, что вызывает необходимость на основе объединяющих признаков сформулировать его процессуальное понятие, при отсутствии единства мнений по этому вопросу.

Методы исследования

Для определения правовой регламентации института подозрения и его места в системе досудебного производства использовались общенаучные методы (анализа и синтеза, дедукции и индукции, логический, историко-правовой) и частнонаучные методы познания (сравнительно-правовой, структурно-функциональный и др.), посредством которых осуществляется теоретическая интерпретация законодательного, научного и практического материала.

Результаты исследования

Основываясь на историческом опыте сделан вывод о том, что термин «подозрение» был впервые использован в отечественном законодательстве еще в далеком 1715 г., хотя легальная формулировка отсутствовала тогда и сегодня, при достаточно широком его использовании в тексте УПК РФ в связи с применением мер процессуального принуждения и определением статуса лица, подвергаемого уголовному преследованию.

Утверждается, что несмотря на различие современных подходов, но с учетом объединяющих признаков процессуального понятия «подозрение», это форма уголовного преследования, с момента его начала и до предъявления обвинения, осуществляемая при наличии достаточных данных, позволяющих выдвинуть предположение о причастности конкретного лица к совершению преступления, с возможным официальным признанием этого лица, подозреваемым по основаниям, предусмотренным в ч. 1 ст. 46 УПК РФ.

Законодатель не предъявляет обязательного требования основывать подозрение исключительно на доказательствах, поскольку на этапе его возникновения объективно отсутствует предварительно накопленная доказательственная база, как это имеет место при обвинении.

Этап легализации подозрения в виде процессуального акт из числа указанных в ч. 1 ст. 46 УПК РФ, ставящего гражданина в положение подозреваемого, следует сохранить в неизменном виде, с одновременной критической оценкой автором статьи предложения, высказанного

в литературе, о прямой постановке лица в процессуальное положение подозреваемого путем составления постановления о привлечении лица в качестве подозреваемого (при наличии института обвинения).

Научная дискуссия

Термин «подозрение» используется законодателем в тексте УПК РФ в целом ряде случаев и чаще всего в связи с применением мер процессуального принуждения и определением статуса лица, подвергаемого уголовному преследованию:

1) при формулировании понятий «задержание подозреваемого» (п. 11 ст. 5) и «содержание под стражей» (п. 42 ст. 5);

2) когда речь идет о гарантиях неприкосновенности личности (ч. 1 и 3 ст. 10), либо об основаниях признания подозреваемым и его праве давать объяснения и показания (п. 4 ч. 1 и п. 2 ч. 4 ст. 46);

3) при определении момента, с которого защитник участвует в уголовном деле (п. 3.1 ст. 49), изложении оснований задержания (ч. 1 ст. 91) или если не подтвердилось подозрение в совершении преступления (п. 1 ч. 1 ст. 94);

4) когда избирается мера пресечения в виде личного поручительства (ч. 3 ст. 103), наблюдения командования воинской части (ч. 3 ст. 104), присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым (ч. 2 ст. 105), залога (ч. 6 ст. 106);

5) при вынесении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по результатам проверки сообщения о преступлении (ч. 2 ст. 148);

6) если это связано с уведомлением лица в совершении им преступления (ч. 1–5 ст. 223.1), либо когда излагаются полномочия руководителя группы дознавателей по принятию решений (п. 4 ч. 4 ст. 223.2);

7) когда в законе излагается требование немедленно освободить задержанного из числа тех лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам (ст. 449).

Еще один момент, связанный с термином «подозрение»: он используется не только в процессуальном его значении, но и рассматривается «в психологическом и в криминалистическом ... смыслах» [3, с. 24], что однако выходит за рамки нашего исследования.

В п. 22 ст. 5 УПК РФ дается понятие обвинения, а вот легальная формулировка подозрения в уголовно-процессуальном законе отсутствует, на что указывают и другие авторы [6, с. 40; 10, с. 15]. Скорее всего это обусловлено тем, что подозрение как правило скоротечно и не является обязательным этапом привлечения к уголовной ответственности, поскольку на практике вполне допустима процессуальная ситуация, когда органом уголовного преследования может быть собрано такое количество доказательств, которое предоставит возможность предъявить обоснованное обвинение лицу, без предварительного его вовлечения в дело в качестве подозреваемого. Объединяет подозрение и обвинение то обстоятельство, что они «выступают в качестве опорных пунктов уголовного преследования» [8, с. 47].

Если обратиться к истории вопроса, то впервые в отечественном законодательстве термин «подозрение» был использован в «Кратком изображении процессов и судебных тяжб» 1715 г., в главе, посвященной «расспросу с пристрастием», где обоснованное подозрение судьи о совершении лицом преступления являлось условием применения пытки при допросе¹.

В дальнейшем и до Судебной реформы 1864 г. подозрение, по сути, являлось единственной формой уголовного преследования лица в совершении преступления, а по «Своду законов Российской империи» 1832 г. даже могло завершать производство по уголовному делу в результате вынесения приговора, с формулировкой «об оставлении в подозрении», при недостатке доказательств против подсудимого, но наличии некоторых улик. По статистике Министерства юстиции при действии сводного законодательства того времени обвинительных приговоров выносилось 12,5 %, а остальные 87,5 % приходились на приговоры об оставлении в подозрении [16].

В «Основных положениях уголовного судопроизводства» от 29 сентября 1862 г. закреплялось положение, согласно которому приговор мог быть только осуждающий или оправдывающий подсудимого, а оставление в подозрении более не допускалось. Согласно уголовно-процессуальному законодательству, действовавшему до 1917 г., правом выдвижения и формулирования подозрения

¹ Чупилкин Ю.Б. Гарантии прав подозреваемого в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2001. С. 9.

обладали служащие полиции, следователи и даже заявители, если они в своей жалобе указывали на подозрение в отношении лица, совершившего преступное деяние.

В период становления советского уголовно-процессуального законодательства институт подозрения существовал в том виде, в каком он был изложен в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., но с отказом от частного порядка выдвижения подозрения (по жалобе заявителя).

Прав А.В. Калинин, отмечая, что «в уголовно-процессуальной деятельности в 30-е гг. XX в. появилась общая тенденция – обязательное выдвижение подозрения вне зависимости от формы расследования уголовного дела ... без его четкого формулирования и наделения подозреваемого соответствующим процессуальным статусом», обусловленное одной целью – с наименьшими затратами сил и времени изобличить лицо в совершении преступления [9, с. 239–240].

Правовая регламентация институт подозрения существенно не изменилась и в постсоветском уголовно-процессуальном законодательстве, когда по-прежнему в ныне действующей редакции УПК РФ отсутствует понятие «подозрения», хотя наметилась тенденция расширения перечня обстоятельств, ставящих лицо в положение подозреваемого.

По этому поводу Е.А. Бравилова пишет: «отсутствие законодательного закрепления в нормах УПК РФ понятия подозрения и содержания данного этапа ведет к смешению в УПК РФ таких понятий, как подозреваемый и лицо, подозреваемое в совершении преступления» [1, с. 15], а также учитывая неоднозначную трактовку подозрения на практике, вызвало необходимость исследования этого феномена и изложения в литературе авторских подходов по вопросу о понятии «подозрение».

Еще в 1989 г. Н.А. Козловский определял подозрение как особую форму причастности лица к совершенному преступлению, выраженную «в виде вывода органов уголовного судопроизводства и оформленного специальным процессуальным актом о предположительно преступном характере его деяний и необходимости вовлечения его в сферу уголовно-процессуальной деятельности в качестве подозреваемого»¹.

П.Г. Потапенко рассматривает подозрение как самостоятельный институт уголовного процесса, а также форму и этап уголовного преследования [13, с. 175].

А.А. Давлетов и В.Г. Войт понимают под процессуальной формой подозрения «не что иное, как процессуальное решение – постановление следователя о наделении лица статусом подозреваемого» [5, с. 24], а И.А. Пантелеев предлагает различать «фактическое подозрение (возникшее в сознании следователя на основе имеющихся по делу данных, отношение к лицу как к причастному к совершению преступления) и строго процессуальное, юридическое (в форме специального правового акта, в котором выражается подозрение)»².

«В процессуальном смысле, – утверждает А.А. Терегулова, – подозрение – это обоснованное предположение органа предварительного расследования о совершении преступления определенным лицом, основанное на совокупности собранных доказательств, позволяющее следователю или дознавателю произвести в отношении этого лица определенные действия, означающие начало его уголовного преследования, и принять соответствующее решение, которое должно быть сформулировано в конкретном процессуальном документе»³.

Ряд авторов предлагают закрепить понятие «подозрение» в ст. 5 УПК РФ.

Так, Ю.В. Церковному это понятие видится как «выраженное в специальном процессуальном акте решение субъекта уголовного преследования о привлечении заподозренного лица в качестве подозреваемого, основанное на содержащихся в материале уголовного дела доказательствах при одновременном отсутствии оснований для предъявления обвинения» [15, с. 168].

О необходимости изложения в ст. 5 УПК РФ понятия «подозрение» заявляет также И.С. Дикарев, как основанного на достаточных данных предположения о причастности лица к совершению деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутого в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством [7, с. 21].

«Подозрение – пишет И.М. Абазалиев, – процессуальная деятельность стороны обвинения, состоящая в установлении причастности лица к совершению деяния, содержащего признаки

¹ Козловский Н.А. Подозрение в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1989. С. 10.

² Пантелеев И.А. Проблемы совершенствования института подозрения в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 42.

³ Терегулова А.А. Правовое положение подозреваемого в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2008. С. 11.

преступления, а также последующее вынесение постановления о признании лица подозреваемым и его объявление (предлагается как текст п. 63 ст. 5 УПК РФ)»¹.

Несмотря на различие предлагаемых учеными подходов к формулированию понятия «подозрение» объединяющими их признаками служат следующие: 1) это предположение о причастности конкретного лица к совершению преступления; 2) данное предположение основано на достаточных данных, либо доказательствах; 3) оно оформлено специальным процессуальным актом.

Если по поводу первого из указанных признаков (предположения о причастности к преступлению) наблюдается единство мнений, то относительно основания выдвижения подозрения и его оформления общего подхода уже не наблюдается, что вызывает необходимость изложения авторской позиции по этому поводу.

Начнем с основания подозрения, которое несмотря на предположительный свой характер, все же обосновывается (иначе говоря, подтверждается фактами, серьезными доводами²), в форме достаточных данных, либо доказательств.

Вполне определенно на основание выдвижения подозрения указывается в ч. 1 ст. 223.1 УПК РФ – получение достаточных данных подозревать лицо в совершении преступления. Термин «достаточность данных» используется законодателем не только при уведомлении о подозрении в совершении преступления в случае производства предварительного расследования в форме дознания (ч. 1 ст. 223.1 УПК РФ), но и при определении основания к применению мер безопасности (ч. 3 ст. 11 УПК РФ), основания к возбуждению уголовного дела (ч. 2 и ч. 4 ст. 140, ч. 9 ст. 144 УПК РФ), основания производства обыска (ч. 1 ст. 182 УПК РФ).

Для нас очевидно, что наличие достаточных данных подозревать лицо в совершении преступления может иметь место и в других процессуальных ситуациях, например, при процессуальном задержании и (или) избрании меры пресечения, когда производятся следственные действия с участием лица, еще не имеющего статуса подозреваемого. Причем требование достаточности данных включает в себя количественные и качественные критерии. Количественный показатель заключается в численном определении основания подозрения, а качественная характеристика позволяет оценить его (основания) содержание.

В результате можно констатировать, что основанием выдвижения обоснованного подозрения служит совокупность данных, имеющих в материалах проверки сообщения о преступлении или уголовном деле, оцениваемых следователем или дознавателем как достаточные для того, чтобы считать лицо причастным к совершенному преступлению.

Что же касается совокупности собранных доказательств (о чем пишут А.А. Терегулова, Ю.В. Церковный, да и другие авторы), как наиболее высокой степени достоверности подозрения, то здесь следует учитывать, что закон не связывает возникновение подозрения с обязательным наличием уголовно-процессуальных доказательств. Верным является утверждение о том, что фактическим основанием подозрения «могут быть, как доказательства причастности лица к совершенному преступлению, так и не процессуальная информация о преступной деятельности этого лица» [11, с. 15].

Дело в том, что в отличие от обвинения подозрение базируется как на доказательствах (при их наличии), так и на достаточных данных, в том числе полученных непроцессуальным путем, поскольку законодатель не предъявляет обязательного требования основывать подозрение исключительно на доказательствах, призванных достоверно устанавливать все обстоятельства преступления и изобличать виновного. Обусловлено это тем, что на этапе возникновения подозрения отсутствует предварительно накопленная доказательственная база.

Согласно правовой позиции Верховного суда Российской Федерации, изложенной в п. 2 постановления Пленума от 19 декабря 2013 года № 41³ обоснованное подозрение: 1) предполагает наличие данных о том, что это лицо причастно к совершенному преступлению; 2) проверка обоснованности подозрения не может сводиться к формальной ссылке на наличие достаточных

¹ Абазалиев И.М. Проблемы процессуального положения подозреваемого и обвиняемого в досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2022. С. 12.

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. 2-е изд., испр. и доп. М.: Азъ; 1994. С. 435.

³ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 года № 41 (ред. от 11.06.2020) // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

данных о причастности к совершенному преступлению; 3) оставление без проверки и оценки обоснованности подозрения должно расцениваться в качестве существенного нарушения уголовно-процессуального закона (ч. 4 ст. 7 УПК РФ), влекущего отмену постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

В п. 2 определения Конституционного Суда Российской Федерации от 12 июля 2005 года¹ отмечается, что «факты, обосновывающие подозрение ..., не обязательно должны обладать той же степенью убедительности, как и те, которые необходимы для предъявления обвинения – следующего этапа в процессе следствия по уголовному делу».

«Без обоснованного подозрения, – утверждает В.В. Рудич, – невозможно уголовное преследование, выражающееся в мерах уголовно-процессуального принуждения» [14, с. 48], а в п. 2 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 2022 года подчеркивается, что «необоснованное уголовное преследование – это одновременно и грубое посягательство на человеческое достоинство»².

В судебной практике имеют место случаи формальной оценки обоснованности подозрения, либо когда вовсе не проверяется и не оценивается обоснованность подозрения. И это при том, что именно на этапе подозрения допускается значительная часть нарушений прав человека.

Проиллюстрируем это двумя примерами из судебной практики.

Как следует из материала судебного производства от 28 октября 2022 года по делу № 22к-2299/2022³, в своей жалобе защитник указал, что суд при решении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу не проверил обоснованность подозрения в причастности М. к совершенному преступлению, а для обоснования своей позиции формально сослался лишь на тяжесть преступления.

Постановлением Бугурусланского районного суда Оренбургской области от 21 сентября 2015 года⁴ отказано в удовлетворении ходатайства следователя о заключении под стражу И., подозреваемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, со ссылкой на отсутствие достаточных данных, свидетельствующих об обоснованности подозрения в совершении И. преступления. Кроме того, при принятии решения судом было учтено мнение участвовавшего в судебном заседании прокурора, который просил отказать в удовлетворении ходатайства, полагая, что представленных следователем доказательств недостаточно для вывода о причастности И. к преступлению.

А теперь перейдем к вопросу об оформлении подозрения в виде соответствующего процессуального акта как третьего из названных ранее его признаков.

Действительно, в соответствии с ч. 1 ст. 46 УПК РФ процессуальной формальной реализации подозрения, в случае его подтверждения, служит специальный процессуальный акт, ставящий гражданина в положение подозреваемого (постановление о возбуждении уголовного дела против конкретного лица или о применении к нему меры пресечения, протокол задержания либо протокол уведомления о подозрении). Официальное объявление о подозрении происходит в случае ознакомления с каким-либо из указанных процессуальных актов.

Но поскольку уголовное преследование – это процессуальная деятельность, которая начинается с момента получения сообщения о преступлении (п. 9 и 56 ст. 5 УПК РФ), то и начало реализации функции уголовного преследования необходимо связывать именно с этим моментом. Из этого следует, что подозрение, как обязательный элемент уголовного преследования, предшествует официальному признанию лица, избобличаемого в преступлении, подозреваемым по тем основаниям, что указаны в ч. 1 ст. 46 УПК РФ. Более того, при наличии достаточной совокупности доказательств

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мошина Игоря Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 12 июля 2005 года № 330-0 (текст определения официально опубликован не был) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² По делу о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 24 и части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.В. Новкунского: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 мая 2022 года № 20-П // Российская газета. 2022. 3 июня.

³ Апелляционное постановление Верховного суда Республики Дагестан от 28 октября 2022 года по делу № 22к-2299/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18 января 2017 года) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

подозрение перерастает сразу в обвинение, минуя этап процессуального признания заподозренного лица подозреваемым.

На наш взгляд, этап легализации подозрения в виде процессуального акт из числа указанных в ч. 1 ст. 46 УПК РФ, ставящего гражданина в положение подозреваемого, следует сохранить в неизменном виде, позволяя тем самым обеспечивать реализацию этим участником досудебного производства своих прав. «Подозреваемый, – как считает В.В. Велигодский, – может стать субъектом уголовно-процессуальной деятельности не иначе, как именно при наличии подозрения» [2, с. 278].

В то же время, критически оценивается предложение о прямой постановке лица в процессуальное положение подозреваемого путем составления постановления о привлечении лица в качестве подозреваемого [4, с. 42–43], вопреки позиции законодателя, посчитавшего излишним вынесение специального процессуального решения о признании лица подозреваемым.

В связи с этим в литературе справедливо отмечается, что оформление подозрения в виде специального процессуального решения является ничем иным, как дублированием уже совершенных уголовно-процессуальных действий¹. Не следует также забывать о том, что появлению процессуальной фигуры подозреваемого предшествует безотлагательное проведение следственных и иных процессуальных действий. В таких ситуациях неуместно составление постановления о признании лица подозреваемым до выполнения этих действий.

Список использованной литературы:

1. Бравилова Е.А. Об обвинении и его взаимосвязи с уголовным преследованием и подозрением: проблемы применения современного законодательства в практике. *Правовая защита: проблемы применения современного законодательства в практике. Межкафедральный сборник научных статей*. Екатеринбург: Изд-во Урал. юрид. ин-та МВД России. 2004;(2):8–16.
2. Велигодский В.В. Судебная реформа и проблемы института подозрения в российском уголовном судопроизводстве. *Актуальные проблемы российского права*. 2008;(1):277–283.
3. Великопольская А.А. Институт подозрения: понятие и значение в уголовном процессе России. *Российский судья*. 2015;(8):23–27.
4. Великопольская А.А. Подозреваемый и способы легализации подозрения на досудебной стадии уголовного процесса России. *Российский судья*. 2016;(1):40–44.
5. Давлетов А., Войт В. Институт подозрения нуждается в совершенствовании. *Законность*. 1996;(7):23.
6. Деришев Ю.В., Земляничин Е.И. Онтология и аксиология подозрения в уголовном судопроизводстве. *Научный вестник Омской академии МВД России*. 2013;3(50):39–42.
7. Дикарев И.С. Подозрение в уголовном процессе. *Законность*. 2013;8(946):20–22.
8. Иванов Д.В. Институт подозрения в уголовном судопроизводстве России. *Глаголь правосудия*.

References:

1. Bravilova E.A. [On the accusation and its relationship with criminal prosecution and suspicion: problems of application of modern legislation in practice]. *Pravovaya zashchita: problemy primeneniya sovremennogo zakonodatel'stva v praktike. Mezhhkafedral'nyi sbornik nauchnykh statei = Legal protection: problems of application of modern legislation in practice. Interdepartmental collection of scientific articles*. Yekaterinburg: Publishing house of Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2004;(2):8–16. (In Russ.)]
2. Veligodskii V.V. [Judicial reform and the problems of the institution of suspicion in Russian criminal proceedings]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2008;(1):277–283. (In Russ.)]
3. Velikopol'skaya A.A. [The Institute of suspicion: the concept and meaning in the criminal process of Russia]. *Rossiiskii sud'ya = Russian judge*. 2015;(8):23–27. (In Russ.)]
4. Velikopol'skaya A.A. [The suspect and ways to legalize suspicion at the pre-trial stage of the criminal process in Russia]. *Rossiiskii sud'ya = Russian judge*. 2016;(1):40–44. (In Russ.)]
5. Davletov A., Voit V. [The institution of suspicion needs improvement]. *Zakonnost' = Legality*. 1996;(7):23. (In Russ.)]
6. Derishev Yu.V., Zemlyanitsin E.I. [Ontology and axiology of suspicion in criminal proceedings]. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2013;3(50):39–42. (In Russ.)]
7. Dikarev I.S. [Suspicion in criminal proceedings]. *Zakonnost' = Legality*. 2013;8(946):20–22. (In Russ.)]
8. Ivanov D.V. [The Institute of Suspicion in the criminal Proceedings of Russia]. *GlagoL' pravosudiya = The verb*

¹ См.: Пивень А.В. Право подозреваемого на защиту в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1999. С. 31–32; Клепов М.Н. Теория и практика становления процессуального статуса подозреваемого в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 51–52.

2011;1(2):47–48.

9. Калинин А.В. Сущность и история становления института подозрения в России. *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2014;3(98):236–242.

10. Карцев А.В. К вопросу о необходимости использования материального основания для признания лица подозреваемым. *Уголовное судопроизводство*. 2007;(2):14–18.

11. Ляхов Ю.А., Чупилкин Ю.Б. Обоснованно ли Конституционный Суд расширил понятие подозреваемого? *Российская юстиция*. 2008;(12):14–16.

12. Майорова Л.В., Плошкина Я.М. Соотношение понятий «задержание» и «подозрение» в уголовном процессе России и Германии. *Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. Материалы XXIII международной научно-практической конференции: в 2 частях. Том 1*. Красноярск, 2020.

13. Потапенко П.Г. Подозрение как форма и этап уголовного преследования. *Вестник Саратовской государственной академии права*. 2011;6(82):174–177.

14. Рудич В.В. Проверка обоснованности подозрения при принятии судом решения об избрании меры пресечения в контексте постановления Пленума Верховного суда РФ от 24 мая 2016 года. *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2016;3(37):45–50.

15. Церковный Ю.В., Мичурина О.В., Тутынин И.Б. Об использовании терминов «подозрение» и «подозреваемый» в УПК. *Вестник Московского университета МВД России*. 2011;(1):167–169.

16. Шелягина О.А. Место и значение подозрения в уголовном процессе. *Молодой ученый*. 2017;18(152):257–261.

of justice. 2011;1(2):47–48. (In Russ.)]

9. Kalinkin A.V. [The essence and history of the formation of the institution of suspicion in Russia]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2014;3(98):236–242. (In Russ.)]

10. Kartsev A.V. [On the question of the need to use a material basis for recognizing a person as a suspect]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal proceedings*. 2007;(2):14–18. (In Russ.)]

11. Lyakhov Yu.A., Chupilkin Yu.B. [Is it reasonable for the Constitutional Court to expand the concept of a suspect?] *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*. 2008;(12):14–16. (In Russ.)]

12. Maiorova L.V., Ploshkina Ya.M. [Correlation of the concepts of "detention" and "suspicion" in the criminal process of Russia and Germany]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki. Materialy XXIII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 2 chastyakh. Tom 1 = Actual problems of the fight against crime: issues of theory and practice. Materials of the XXIII International Scientific and practical conference: in 2 parts. Volume 1*. Красноярск, 2020. (In Russ.)]

13. Potapenko P.G. [Suspicion as a form and stage of criminal prosecution]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi akademii prava = Bulletin of the Saratov State Academy of Law*. 2011;6(82):174–177. (In Russ.)]

14. Rudich V.V. [Verification of the validity of suspicion when the court makes a decision on the election of a preventive measure in the context of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 24, 2016]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal science and law enforcement practice*. 2016;3(37):45–50. (In Russ.)]

15. Tserkovnyi Yu.V., Michurina O.V., Tutynin I.B. [On the use of the terms "suspicion" and "suspect" in the CPC]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2011;(1):167–169. (In Russ.)]

16. Shelyagina O.A. [The place and significance of suspicion in criminal proceedings]. *Molodoi uchenyi = Young scientist*. 2017;18(152):257–261. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Семенцов Владимир Александрович

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0002-1127-5603

Author ID: 57194869679

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Sementsov

Dr. of Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0000-0002-1127-5603

Author ID: 57194869679